

верному замечанию того же В.О. Ключевского.

Движение населения в разные периоды было то естественным, то искусственным. Последнее связано с историческими катаклизмами, в которых иногда была повинна власть (коллективизация, распад СССР и межэтнические конфликты и др.). Последствия демографических процессов были неоднозначны. С одной стороны, край пополнялся экономически и физически активным населением, с другой – людьми ненужными (вынужденными переселенцами, присланными на временную работу). Коренное население не успевало «переработать» (в социокультурном плане) прибывающий элемент. Другим отрицательным моментом были постоянные «миграции» номенклатуры (в советское время). Край в 1920–1930-е гг. пережил трагедию утери основного, самого дееспособного, ядра коренного населения. Историкам еще предстоит исследовать этот процесс.

Хозяйственное освоение края шло уже в период роста товарно-

рыночных отношений. Край, несмотря на причудливое сочетание капитализации с архаичными земельными отношениями, развивался динамично. Его социально-экономическая структура приняла вид «догоняющего аграрного региона в догоняющем государстве». Этот тип развития сохранялся в течение всего столетия. Сначала он преобладал в экономике, затем «перебазировался» в сферу науки, образования, культуры. Названные (и другие) факторы «...сообщали народной жизни особое направление, особый склад и характер» (В.О. Ключевский).

«Особый склад и характер» кубанца стал исторически складываться, но естественный процесс был прерван не только революцией, о чем уже говорилось, но и новым политическим строем и всем жизнеустройством («социалистическое общество»), константой которого была унификация. В ней переплетались как объективные тенденции, так и негативные влияния, вытекавшие из тоталитарного характера общества и государства.

А.А. Черкасов

ПОПЫТКА СПАСЕНИЯ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ: СОЧИНСКИЙ СЛЕД

В зарубежной белоэмигрантской историографии существуют упоминания нескольких попыток спасения царской семьи. Их дата: конец лета 1917 г. – июль 1918 г. Ни одна из этих попыток

не увенчалась успехом. Об одном малоизвестном факте спасения царской семьи и пойдет речь.

В 1955 г. в Париже вышла в свет очередная работа белогвардейского летописца Р.Б. Гуля «Я

унес Россию. Апология русской эмиграции». В ней, в частности, говорится о том, что в 1951 г. в Нью-Йорк из Германии приехал Николай Владимирович Воронович. «Воронович – военный с интересной биографией. В прошлом – камер-паж вдовствующей императрицы Марии Федоровны [1]. В 1917 году – «камер-паж» Александра Федоровича Керенского. Примкнув к эсерам в годы революции, Воронович остался верен Керенскому. В годы гражданской войны Воронович был «зеленым» и командовал «зелеными» в горах Крыма. Это он интересно описал в своей работе «Меж двух огней» [2].

Из воспоминаний Гуля: «И вот как-то у нас на 113-й улице в Нью-Йорке Н.В. Воронович рассказал мне историю, в которую я спервоначала (так в тексте. – **А.Ч.**) не очень поверил. Воронович говорил, что когда государь с семьей был отправлен из Царского в Тобольск, в Петрограде создалась группа офицеров, поставившая задачей организацию побега царской семьи из Тобольска. У Вороновича с этой группой была связь. И он сказал мне, что на подготовку побега государя с семьей он (Воронович) передал этой группе офицеров два миллиона рублей, полученных им (Вороновичем) от А.Ф. Керенского из «секретных фондов».

Ошеломленный рассказом, Р.Б. Гуль поинтересовался: «Ну, а почему ж эта попытка не удалась?». Не менее поражающий ответ последовал от Н.В. Вороновича: «Почему? Да потому, что офицеры разворовали деньги и пропили». И добавил: «Если б я

это только мог предвидеть, я сам бы взялся за это дело». Во время беседы Воронович назвал одного из членов офицерской группы – офицера-кавалериста ротмистра Маркова.

Спустя несколько дней, во время встречи с А.Ф. Керенским, Р.Б. Гуль попросил Александра Федоровича прокомментировать рассказ Вороновича. «Керенский недовольно насупился и отрывисто пробормотал: «Не знаю, не знаю, ничего не могу сказать... После моей смерти мой архив будет опубликован», – и быстро перешел к другим темам. Про себя Р. Гуль подумал: «Керенский не опроверг? А то, что не хочет мне говорить, – понятно». Об этом Гуль решил спросить И.Г. Церетели (министра почты и телеграфа Временного правительства).

Вскоре, сидя у Церетели, Р.Б. Гуль рассказал ему и о рассказе Вороновича, и об ответе Керенского на этот вопрос. «Как вы думаете, Ираклий Георгиевич, это могло быть?», – спросил я. Я ждал, что И.Г. засмеется, махнет рукой и скажет: «Какая болтовня! Какая чепуха!» Но этого не последовало. И.Г. задумался, у него иногда это бывало: прежде чем ответить на какой-нибудь вопрос, он довольно долго молчал. Потом И.Г. спокойно и серьезно сказал, подчеркивая каждое слово: «Это вполне могло быть, это вполне в духе Керенского, в его стиле». По ответу Керенского и по ответу Церетели я понял, что Воронович сказал мне правду – Керенский ему эти деньги дал!» [3].

Повествование, изложенное Р.Б. Гулем, вызывает массу вопросов, в которых мы постараемся разобраться. Биография Н.В. Вороновича, изложенная выше, не совсем верна, поэтому здесь требуются существенные корректировки.

Н.В. Воронович родился в 1886 г. После окончания паже-ского корпуса был камер-пажем императрицы Александры Федоровны. Выходец из русского офицерства, прошедший русско-японскую и Первую мировую войны, он стал представителем умеренных социалистических кругов – социал-революционеров. Уже в марте 1917 г. он был избран председателем Лужского Совета солдатских, крестьянских и рабочих депутатов.

Возвращаясь к описанному Р.Б. Гулем случаю, мы вынуждены были обратиться к основным мемуарным работам Н.В. Вороновича. И, что самое удивительное, ничего даже близко похожего нами обнаружено не было. Получилось так: либо Воронович скрыл этот факт в своей истории жизни, либо его просто не было. Если первое, то в чем была мотивация, а если второе, то почему не опровергли это Керенский и Церетели.

Связь с Романовыми. Историю своей жизни периода революции и гражданской войны Николай Владимирович написал в эмиграции спустя два года после завершения гражданского противостояния на Черноморье. В мемуарах Воронович отметил факты близости к царской семье. Так, после излечения в госпитале, весной 1916 г., он предстал

перед императрицей Александрой Федоровной. Аудиенция, как отмечал позднее Воронович, была длиннее, чем обычно. С государем Николаем II Воронович также встречался и даже обедал с ним на празднике георгиевских кавалеров в Народном доме Санкт-Петербурга. Помимо этого с Домом Романовых связывала Николая Владимировича и паже-ская служба до военного училища – Воронович неоднократно заступал на дежурство в покои вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Иными словами, связь Романовых и Н.В. Вороновича к 1917 г. была значительной и ротмистр всегда с теплотой (даже в эмиграции) отзывался о Романовском Доме [4].

Таким образом, связь Вороновича с царской семьей может считаться доказанной, ее было вполне достаточно для столь щекотливого дела, как передача правым эсером значительного количества денег боевой организации офицеров для спасения царской семьи.

Связь с А.Ф. Керенским. Эта связь была, пожалуй, самой тонкой нитью в данном деле, так как в мемуарах Воронович не афишировал свою связь с Керенским. Тем не менее, несмотря на связь с Романовыми, Николай Владимирович к 1917 г. стал убежденным правым эсером. И именно по этой причине после Февраля возглавил Лужский совет солдатских, крестьянских и рабочих депутатов [5]. В последующем Воронович возглавил зеленоармейское Крестьянское ополчение Комитета освобождения Черноморской губернии.

Непонятно, где и когда Воронович встречался с А.Ф. Керенским? Впервые Керенский услышал о Вороновиче в период Февральской революции. Это произошло при следующих обстоятельствах. К началу 1917 г., после излечения от контузии в госпитале, Воронович прибывает для прохождения дальнейшей службы в Лужский гарнизон. Он находится в должности старшего адъютанта и начальника одной из команд сборного пункта гвардейских кавалерийских частей. Там его и застаёт Февральская революция. Во время беспорядков в Петрограде Николай II направляет генерал-адъютанта Николая Иудовича Иванова для подавления беспорядков. С фронта срочно снимаются группы войск.

К вечеру 1 марта расположение частей, посланных в распоряжение генерала Н.И. Иванова, было таково: головной эшелон с частями Тарутинского полка дошел до станции Александровской, эшелоны Бородинского полка находились в Луге, остальные войска растянулись между Лугой и Псковом и Псковом и Двинском. Эшелоны с частями, направлявшимися с Западного фронта, миновали Полоцк. Требовалось еще около суток для подтягивания всех частей к Царскому селу, но уже в ночь на 2 марта их движение было остановлено.

Нет свидетельств о том, что войска, посланные в распоряжение генерала Н.И. Иванова, вышли из повиновения. Согласно воспоминаниям ротмистра Н.В. Вороновича, части Лейбгвардии Бородинского полка бы-

ли разоружены в Луге группой офицеров, выкативших на перрон неисправное орудие. Это была единственная экспедиционная часть, остановленная силой. Из воспоминаний Н.В. Вороновича следует, что она была разоружена по приказу Думы [6].

Вся эта авантюра в духе известных пиратских приключений не только остановила, разоружила и развернула обратно сильный эшелон, но и определила характер разговора Рузского и Родзянко, выдвинувший идею отречения Государя.

«Стоящий в Луге гарнизон по своей революционной инициативе задерживал вседвигающиеся на столицу войска, разоружал их или поворачивал обратно», – пишет А.Г. Шляпников и с замечательной доверчивостью добавляет: «Двадцать тысяч штыков и сабель были наготове и преграждали контрреволюции путь на Петроград» [7].

Это стало первым боевым крещением ротмистра Вороновича в условиях Февральской революции. Ни Дума, ни Временное правительство, ни социалисты этого забыть не могли.

В начале августа 1917 г. Н.В. Воронович прибывает в Сочи с целью выбора земли для своего сельскохозяйственного кооператива «Новая Луга». Выбрав участок графа Мусина-Пушкина, он вернулся в Петроград и подал в Министерство земледелия прошение о выделении земли. Далее в своих мемуарах Воронович отмечает, что после ликвидации Корниловского мятежа он сложил с себя полномочия председателя Лужского

совета солдатских, крестьянских и рабочих депутатов [8].

Возникает довольно существенный пробел в его воспоминаниях. Тем не менее в Луге происходят знаменательные события. В конце августа 1917 г. генерал Корнилов решил вооруженной силой ликвидировать революционный Петроград. Осуществляя план заговора, он двинул на столицу части 3-го конного корпуса под командованием генерала Крымова, куда входила и «дикая дивизия», сформированная из горцев Кавказа. Путь Корнилова лежал через Лугу. Объединенное заседание исполкома Лужского совета и представителей воинских частей под председательством В.Н. Вороновича решило преградить 3-му корпусу дорогу на Петроград, не останавливаясь даже перед применением оружия. Совет отдал распоряжение разобрать железнодорожное полотно, выделить агитаторов для работы в корниловских войсках. Однако держать оборону в городе было крайне невыгодно, и Воронович направил свои части (пехоту, кавалерию и артиллерию) в сторону Петрограда, сохранив, таким образом, верность Временному правительству и Керенскому.

В районе Луги корниловский корпус был остановлен. Агитаторы не замедлили появиться среди солдат. Они разъясняли казакам цель их движения на Петроград, призывали не начинать братоубийственную войну. Настроение казаков резко изменилось. 30 августа в Лужский совет приехали представители 3-го конного корпуса и предложили

арестовать генерала Крымова. Не дожидаясь ареста, убедившись в провале корниловского мятежа, Крымов застрелился. Таким образом, Воронович очередной раз продемонстрировал свое отношение не только к Временному правительству, но и лично к А.Ф. Керенскому.

Арест Николая II. 7 марта 1917 г. Временное правительство издало приказ об аресте Николая II и его жены. Добровольно разделить заключение согласились В.А. Долгоруков, П.К. Бенкендорф, фрейлины С.К. Буксгевден и А.В. Гендрикова, врачи Е.С. Боткин и В.Н. Деревенько, преподаватели П. Жильяр и С. Гиббс. Большинство из них разделило трагическую судьбу царской семьи.

В начале августа 1917 г. по решению Временного правительства бывшего императора и его окружение выслали в Тобольск. А.Ф. Керенский оправдывался позднее, что оттуда семью рассчитывали переправить в США. Разумеется, официально переправить царскую семью за рубеж было нельзя, это могло вызывать бурю негодования в социализированном обществе. В связи с этим тайное финансирование операции по спасению царской семьи логически укладывается в рамки сложившейся обстановки.

В 2003 г., в связи с 85-летием убийства царской семьи, средства массовой информации были буквально наводнены данными о неудавшихся попытках спасения. Действительно, этих попыток было немало, но все они не увенчались успехом. Из общей массы попыток особый интерес

вызывает деятельность марковской группы. Николай Евгеньевич Марков, известный депутат Госдумы Марков-2-й, для спасения царской семьи создал летом 1917 г. нелегальную организацию «Великая единая Россия». В нее входили правые депутаты: Г.Г. Замысловский, Н.Д. Тальберг, гвардейские офицеры, в их числе однофамилец корнет С.В. Марков. Организация насчитывала, по меньшей мере, несколько десятков человек. Н.Е. Марков посылал в Тобольск не менее двух человек для выяснения обстановки и освобождения царской семьи. Сначала был послан штаб-ротмистр Н.Я. Седов, а затем корнет С.В. Марков. По свидетельству последнего, им было привлечено к этому делу 12 надежных офицеров и несколько солдат, готовых по первому зову участвовать в спасении царской семьи. К сожалению, напряженные старания Н.Е. Маркова собрать для организации побега крупную сумму денег успеха не принесли.

Случай попытки спасения марковской группой во временном (речь идет об одном и том же периоде – конце августа) и в личном (в обоих случаях фигурирует офицер-кавалерист Марков) похож на описанный случай Вороновичем. Более того, весьма подозрительным совпадением являются финансовые затруднения. Таким образом, речь шла, скорее всего, именно об этом деле и именно здесь произошло расхищение выделенных средств.

После корниловского мятежа Воронович возвращается с ко-

мандой из 27 членов (и их семей) лужского гарнизона в Сочи. Образованность, несвойственная русскому офицеру политическая принадлежность, неординарность в мышлении – все это вскоре позволяет ему добиться доверия среди местного населения. В конце 1918 г. Николай Владимирович избирается членом окружного крестьянского комитета по введению земского самоуправления в Сочинском округе. При непосредственном его участии обсуждался вопрос о временном (на время гражданской войны) вхождении округа в состав Грузинской демократической республики или Великобритании.

После захвата Сочинского округа белогвардейцами в феврале 1919 г. Воронович сначала находится на нелегальном положении, затем уходит в нейтральную зону (Гагра). Здесь он занимается пропагандой идеи третьей силы, созданием автономного крестьянского государства.

В ноябре 1919 г. Н.В. Воронович при поддержке Грузинской демократической республики в нейтральной зоне формирует Крестьянское ополчение и участвует в работе первого съезда Комитета освобождения Черноморской губернии (18 ноября). Избирается председателем Главного штаба Черноморского Крестьянского ополчения (ЧКО). 28 января 1920 г. под руководством Н.В. Вороновича начинается освобождение Сочинского округа от белогвардейцев. Приграничная войсковая операция была продумана досконально. Воронович здесь блестяще осу-

ществил свой план глубокого охвата правого фланга противника в сочетании с фронтальной атакой. Подобная тактика позволяла избежать существенных потерь, которые в данных условиях без баз и плацдарма были бы не восполнимы.

Неоднократная реализация армейского планирования позволила зеленоармейцам в середине февраля захватить территорию всего Сочинского округа Черноморской губернии.

21–25 февраля 1920 г. в Сочи проходит Второй крестьянско-рабочий съезд Комитета освобождения Черноморской губернии, председателем крестьянской фракции которого был избран Н.В. Воронович. В конце февраля войска Крестьянского ополчения захватили Туапсинский округ, а в марте вплотную подошли к Новороссийску и смогли завладеть значительным количеством станиц южных отделов Кубанской области. В начале марта войска Черноморского крестьянского ополчения были переименованы в Красную армию Черноморья. Однако генеральное руководство армией продолжало осуществляться из Главного штаба ЧКО во главе с Вороновичем. Лидеры Комитета освобождения Черноморской губернии желали достичь соглашения между РСФСР и КОЧГ о самоуправлении. С этой целью предпринимались активные боевые действия против белогвардейцев.

В начале апреля на территорию Сочинского округа вторглись отступающие войска Кубанской армии генерала Шкуро. Располагая численным превос-

ходством во всех родах войск, белогвардейцы захватили все побережье и ряд предгорных населенных пунктов. Главный штаб во главе с Вороновичем и с мобилизованными ополченцами ушел в горы и стал оттуда осуществлять налеты на гарнизоны белогвардейцев. Вслед за отступающими войсками Кубанской армии в Сочинский округ вторглись большевики.

После захвата Сочинского округа большевиками последовали аресты ряда лидеров крестьянского ополчения, а позднее и их расстрелы. Полевой и районные штабы Черноморского крестьянского ополчения под руководством Н.В. Вороновича начали борьбу против большевиков, продолжавшуюся с середины мая по октябрь 1920 г. Во время этой борьбы 18 июля съезд черноморских и майкопских крестьянских и казачьих организаций назначил Н.В. Вороновича полномочным представителем вышеуказанных организаций и председателем Особой Черноморской крестьянской делегации, которая была уполномочена защищать интересы всего крестьянского населения Черноморья. Она направляется на переговоры со всеми народными демократическими правительствами для оказания поддержки и помощи черноморскому крестьянству, разоренному гражданской войной и переживающему голод.

В 1920 г. Воронович был исключен из партии социал-революционеров Закавказским областным комитетом как сторонник вооруженной борьбы с большевизмом.

Прибыв в Прагу, Николай Владимирович начинает активную работу по популяризации третьей силы в годы гражданской войны и 1 апреля 1921 г. предлагает редакции газеты «Воля России» опубликовать свою работу под названием «Народное ополчение – армия третьей силы».

В предисловии к своей работе Н.В. Воронович отмечал: «С 1917 года в России борются между собой две силы – большевики и сторонники старого дореволюционного режима (реакционеры).

И те, и другие являются незначительным меньшинством русского народа и хотят подчинить себе остальной народ. И та, и другая сила мобилизуют крестьян и рабочих и заставляют их сражаться и истреблять друг друга во имя чуждых им понятий.

А большинство народа – многомиллионное крестьянство и многочисленный рабочий класс, будучи призваны насильственно в ряды красных и белых армий, защищая чуждые им интересы помещиков и большевистских комиссаров, проливают братскую кровь, терпят разные лишения и разоряют свои родные города и деревни.

Вот этот народ, эти крестьяне и рабочие, которыми одинаково помыкают как красные комиссары, так и белые генералы, и является той третьей силой, которая рано или поздно поймет свою мощь, сбросит с себя иго коммунистов и черносотенцев и изберет свою народную власть» [9].

Идеей демократической свободы Воронович буквально упивается, однако работа не имеет значительного успеха в эмиграции. Впрочем и все течение ПСР, раздираемое внутренними противоречиями между левыми и правыми эсерами, входит в полосу глубокого кризиса и вплоть до Второй мировой войны из него не выходит.

Тем временем Н.В. Воронович садится за мемуары. Пока свежи недавние впечатления, он издает первый свой мемуарный труд «Меж двух огней: записки зеленого», изданный в Берлине в 1922 г. в 7-м томе «Архива русской революции». Однако первой его книгой стали не мемуары, а «Описания исторического музея Лейб-гвардии конно-гренадерского полка» [10].

В годы Второй мировой войны русский эмигрант Воронович был мобилизован немецкими войсками в горную местность на лесоповал. По окончании войны он издал в Канаде в 1948 г. сборник очерков «Всевидящее око», где описал быт и нравы старой русской армии. В 1955 г., продолжая работу над темой, Николай Владимирович развил свой замысел в книге «Вечерний звон», куда вошли три очерка из работы «Всевидящее око». Это произведение стало последним трудом его жизни, так как в 1967 г. на 81-м году жизни Н.В. Воронович скончался.

В нашем исследовании мы не ставим точку в деле выделения денежной суммы на спасение царской семьи. Однако обращаем внимание на то, что такой след в истории Сочи имеется.

Примечания

1. *Воронович Н.В.* Записки камер-пажа императрицы. Нью-Йорк, 1952.

2. *Воронович Н.В.* Меж двух огней / Архив русской революции. Т. 7. Берлин, 1922.

3. *Гуль Р.* Я унес Россию. Апология русской эмиграции. В 3 т. Т. 2. М., 2001.

4. *Воронович Н.В.* Потонувший мир. Очерки прошлого: 1891–1920. М., 2001.

5. *Воронович Н.В.* Записки председателя Совета солдатских депутатов // Страна гибнет сегодня: Воспоминания о Февральской революции 1917 г. М., 1991. С. 311.

6. *Кондаков Ю.* «Бумажный» поход генерала Н.И. Иванова на Петроград / Русская цивилизация. 2005. 12 окт.

7. *Шляпников А.Г.* Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. В 3 т. М., 1992. Т. 2: Семнадцатый год. С. 257.

8. *Воронович Н.В.* Потонувший мир... С. 230.

9. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5394. Оп. 1. Д. 25. Л. 2–3.

10. *Воронович Н.В.* Описание Исторического музея Л.-гв. конногренадерского полка. СПб., 1912.

С.В. Петрова

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА СОЧИНЦА В XXI в.

По данным многочисленных социологических исследований известно, что населению Сочи свойственна значительная толерантность и терпимость по отношению к постоянно проживающим представителям других национальностей в городе вне зависимости от их этнической принадлежности. Наличие широких возможностей для самореализации, полиэтничный состав населения, относительное благосостояние горожан обеспечивают спокойствие в межнациональной сфере и достижение этнонационального консенсуса. В то же время горожане достаточно настороженно относятся к приезжим любой национальности, выступают против отмены института прописки, поддерживают репрессивные действия органов правопорядка против лиц,

незаконно проживающих на их территории. Таким образом, здесь принцип «крови», этнического единства уступает место принципу «почвы», местной корпоративности. Что же касается региона, то здесь национальный вопрос стоит гораздо острее. Зоны межнациональных противоречий, «чеченский фактор», последствия местного межнационального конфликта в Осетии и Ингушетии, на Дальнем Востоке чрезвычайно понижают уровень толерантности и национальной терпимости. Кроме того, низкий уровень жизни, безработица, преступность, ограниченные возможности самореализации непременно ведут к поиску внешнего или внутреннего врага, которым нередко становится проживающий рядом сосед другой национальности.